

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию и автореферат иерея Виктора Николаевича Гелюты на тему «История государственно-конфессиональных отношений в Китайской Народной Республике», представленной на соискание ученой степени кандидата богословия по специальности **Общая церковная история**

История взаимоотношений коммунистической власти в Китае как с традиционными религиями, так и с христианством на протяжении всего существования КНР давно привлекают внимание исследователей. Причина этого не только в интересе к одному из компонентов тоталитарного правления, но и в исключительной жизненной силе противостоящих официальному атеизму религиозных верований народа. Если говорить начистоту, то следует признать, что любые формы государственного регулирования в вероисповедной сфере (как самые жесткие, так и по видимости мягкие или умеренные) в условиях китайской действительности оказывались крайне малоэффективными на том уровне народного бытия, который в западной науке принято называть «корнями травы». Об этом свидетельствует опыт существования парарелигиозных образований и тоталитарных сект не только в относительно расслабленных условиях современности, но и даже в такой людоедский период как «культурная революция». На это могут возразить, что коммунистическая власть не раз показывала, как она может расправиться с официальными религиозными структурами (пример тому Православная Церковь в Китае). Однако данное утверждение правильно лишь применительно к религиозным организациям, деятелям и общинам, которые пытались наладить с бюрократией некую форму диалога, но не вынесли требований идеологической мясорубки и стали жертвами репрессий. В то же время в среде поистине циклопического по размерам населения Китая наблюдаются процессы, антагонистические по отношению к упорядочивающему воздействию власти. Достаточно упомянуть незаконное проживание десятков миллионов людей не по месту прописки, что делает их

юридическими изгоями, но не побуждает вернуться к законопослушности. К такому же ряду примеров относится и автономия веры, охватывающая сотни миллионов людей. Могут ли они быть полностью контролируемы сверху? Конечно, нет. И это беспокоит «партию и правительство», всегда пытавшихся и пытающихся наладить в данном направлении некий политический курс, по-китайски *чжэнцэ*. На этот счет у простых людей есть шутка: у нас в таком случае есть *дуйцэ* (буквально – *противополитика*).

Диссертация иерея Виктора Гелюты как раз и посвящена тому, каким образом Коммунистическая партия Китая стремится навести порядок в отношениях своего населения с Богом или богами. И речь здесь не столько о кондовом атеистическом максимализме, знакомом по советским калькам Емельяна Ярославского. Гораздо важнее то ощущение опасности, которое испытывает режим в отношении любой формы народной самоорганизации, а в особенности религиозной, поскольку нередко обретающей иррациональные черты. Достаточно вспомнить об относительно недавних эксцессах с малопривлекательной сектой «Фалуьгун», которая, будучи синкретической тоталитарной организацией, смогла, на краткий, правда, миг, поставить под вопрос внутреннюю стабильность в стране.

Иными словами, рассматриваемое нами исследование систематически анализирует наличный исторический континуум в отношениях между однопартийной и так или иначе идеологически монолитной властью и огромным населением, обладающим богатейшими религиозными традициями и к тому же открытым к новым духовным поискам, в том числе с опорой на библейский текст в самом широком понимании этого понятия.

Следует признать, что тема диссертации в высшей степени актуальна, раскрывается последовательно и убедительно с привлечением большого количества первоисточников и с опорой на существующую научную литературу.

Выводы автора обоснованны.

Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

В то же время текст исследования вызывает некоторые вопросы и возражения, которыми хотелось бы поделиться.

На с. 4 говорится о том, что КПК является руководящей силой «наивысшего порядка». Здесь автору следовало бы пояснить: это сноска на политический документ, фигура речи, может быть, ирония, или мировоззренческое утверждение?

На с. 5 представляется необоснованным соединение в одном абзаце благожелательного интереса Российского Президента к «китайскому ветру» и печального опыта Православия в Китае (в 1950-е гг. дул другой ветер). Поэтому здесь нечего сопоставлять.

На стр. 6 упоминается «золотой век» христианства в Китае. Надо бы дать ссылку, поскольку научная объективность не дает оснований видеть в продолжающихся репрессиях что-либо «золотое». Лучше бы автору от этого утверждения отстраниться.

На с. 12, 15 упоминается «научное управление обществом» в Китае, но при этом не говорится о том, что государство подспудно поощряет националистические парарелигиозные проекты вроде гигантского капища предков Яньди и Хуанди в Чжэнчжоу на берегу реки Хуанхэ.

Непонятно упоминание на с. 24 сайентологов и кришнаитов, для Китая не актуальных.

Остается неясным начинающийся примерно на с. 27 гигантский для столь скромного по размерам исследования и никак не связанный с китайскими реалиями экскурс по поводу термина «государство».

В параграфе 1.1. текст мог бы быть без ущерба для содержания сокращен в частях, не имеющих отношения к Китаю.

На с. 45 автор почему-то допускает способность к восприятию новых верований только для простого народа, хотя из истории известно, что именно императоры нередко являлись инициаторами религиозных инноваций.

На с. 49 мафиозная группировка Цинбан ошибочно названа зеленой, тогда как более традиционное и правильное в данном случае значение иероглифа *цин* – синий.

На с. 51 стоило бы упомянуть, что в годы Второй мировой войны Синьцзян был оккупирован советской армией, а православные из числа белоказаков составляли там существенную часть населения.

На с. 54 сказано, что Духовная миссия в Пекине лишилась после революции поддержки Русской Православной Церкви. Такой подход в принципе неверен, поскольку миссию содержало правительство. И кстати говоря, очень плохо, отчего главе миссии епископу Иннокентию приходилось заниматься предпринимательством еще до февраля 1917 г., который он горячо приветствовал.

С. 56 является примером того, как излишние детали о внутреннем положении Православной Церкви в Китае не соотносятся с основной темой повествования.

На с. 57 вызывает возражение трактовка раскола в Автономной Церкви в Китае. Он был спровоцирован коммунистическими властями с использованием националистических, антирусских аргументов.

На с. 58 появляется введенное Мао Цзэдуном понятие «новой демократии». На нем следовало бы остановиться поподробнее.

В этой же связи следовало бы проанализировать и деятельность НПКСК, которому не позволяли никакого реального контроля. Это спектакль. См. Yang Fenggang. Religion in China. Survival and Revival under Communist Rule. Oxford UP, 2012. Также следовало бы разъяснить на с. 63, что за коммунистический фокус «единый фронт». Автор делает это значительно позже, что замутняет историческую преемственность этих политических симулякров.

На с. 66 идет речь о тибетском политическом режиме до революции – это классическая теократия.

Игуаньдао (с. 71) – это не совсем даосская секта, там почитают также Магомета и Иисуса Христа. Она после революции перебралась на Тайвань, но и там была запрещена до 1987г.

С. 72 – Храмы Духовной миссии в Пекине, в которой разместилось советское посольство, были осквернены и разрушены при активном участии посла СССР Юдина.

Слово *цзаофань* (с. 74) означает не молодой бунтарь, а «творящий бунт».

С. 82 – опечатка – династия Хань.

С. 84 – поворот в политике КПК отражен в фундаментальном сборнике, изданном на Тайване – «Чжунгун цзэнян дуйдай цзунцзяо» в 2 тт. Тайбэй, 1984.

На с. 92 говорится, что власти призывают участвовать в создании «рая на земле». Если это цитата, то надо дать сноску.

Следовало бы подробнее разъяснить, что такое «домашние церкви», поскольку это важное явление религиозной жизни христиан в современном Китае (с. 94).

Для с. 98 порекомендовал бы сборник «Далу цзунцзяо гайкуан. 1996-2001». Тайбэй, 2002.

На с. 108 используется термин «либеральные реформы», что, конечно, не имеет отношения к китайской действительности. Особенно если учесть русские коннотации.

На с. 112-113 можно было бы подчеркнуть особую прагматическую гибкость в отношениях между Пекином и Ватиканом.

Профессор Хэ Гуанху (с. 133) работал не в Национальном, а в Народном университете Китая.

С. 134 – Ло Вэйхун (а не Луо).

С. 146 – Высшая нормальная школа в Пекине – это механический перевод. На самом деле – это Пекинский педагогический университет.

Все вышеуказанные недочеты и неточности не носят принципиального характера и несколько не влияют на общее положительное впечатление от работы, которая убедительно показывает: на протяжении всей своей истории

коммунистическое государство в Китае боролось против религии. Разница между прошлым и современностью заключается лишь в том, что методы становятся более мягкими и изощренными. Однако главные цели из вида не упускаются, а это - десакрализация и размывание посредством национализации.

Соискатель проделал большую работу. Его достижения заслуживают положительной оценки, а сам он - присвоения искомой степени кандидата богословия.

Настоятель Свято-Троицкого храма
г. Люберцы
доктор исторических наук
протоиерей Петр Михайлович Иванов

протоиерей Петр Иванов

12.01.2023

В.Ф. Семенов
12.01.23